

Рябова Марина Вадимовна

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/7/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 7 (38). С. 194-196. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

6. Токарева В. Мой мастер [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru>
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2006.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. С.-Петербург: Азбука, 1996.
9. Duden. Deutsches Universalwoerterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 2007.
10. Duden. Herkunftswoerterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 1997.
11. Dürrenmatt F. Justiz [Elektronisch Ressource]. URL: www.franklang.ru
12. Remarque E. M. Arc de Triomphe [Elektronisch Ressource]. URL: artefact.lib.ru

УДК 1751

Марина Вадимовна Рябова

Благовещенский государственный педагогический университет

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ)[©]

Наступивший XXI век ознаменовался преобразованиями во всех сферах жизни общества, включая политику, экономику, образование, культуру. Многие события, обусловившие изменение международного статуса России, реструктуризацию системы международных связей с зарубежными странами, приток иностранного капитала, интенсивное развитие рыночных отношений, динамику социальных процессов, сопровождались увеличением числа международных контактов и, как следствие, повышением интереса к изучению межкультурной коммуникации, в процессе которой происходит взаимодействие не только языковых, но и культурных систем.

За последние десятилетия к изучению феномена межкультурной коммуникации обращались представители многих наук - антропологии, этнографии, психологии, культурологии, теории коммуникации, лингвистики, ведь, как справедливо заметил Э. Сепир, «история цивилизации характеризуется постоянным расширением сферы действий коммуникации» [7, с. 214]. Кроме того, межкультурная коммуникация представляет собой межличностное общение, при котором особо важную роль играет культурная среда его участников [2, с. 51]. Поэтому в связи с расширением международных контактов в современном обществе исследователи все чаще акцентируют своё внимание на изучении национальных особенностей языкового сознания коммуникантов, как представителей разных лингвокультур.

Впервые термин «межкультурная коммуникация» был использован в 1959 году в работе Э. Холла «Безмолвный язык». С этого времени и до настоящего момента научный интерес к межкультурной коммуникации не ослабевает. Вероятно, это можно в некоторой степени объяснить и тем, что её историческую основу составляет проблема взаимодействия языка и культуры - проблема, ставшая для лингвистики фундаментальной.

Если обратиться к истории вопроса, то становится очевидным, что попытки научного анализа роли языка в процессе общения предпринимались ещё в XVIII веке. Многие философы-просветители указывали на то, что язык служит обязательным условием формирования общества и культуры. С возникновением собственно лингвистической науки в XIX веке язык и культура получили особый статус, поскольку стали рассматриваться как средства связи поколений в пространстве и времени, оказывающие влияние на образ жизни и мировосприятие нации. XX век внёс значительные коррективы в изучение данного вопроса, и оно приобрело многоаспектный, междисциплинарный характер: ему было посвящено немало научных трудов по культурной антропологии, лингвострановедению, лингводидактике, этнополилингвистике, лингвокультурологии, концептуальной лингвистике, переводоведению. Заметим также, что он продолжает активно разрабатываться и в настоящее время.

Как правило, исследования в рамках вышеуказанных наук проводились по нескольким направлениям, например:

- установление роли языка и культуры в становлении мировоззрения человека и/или выявление их доминирующего характера;
- определение значения мышления для процесса взаимодействия языка и культуры и для формирования языкового сознания;
- изучение соотносительности языка со средствами невербального общения и фоновыми знаниями;
- предотвращение возможных культурно-обусловленных трудностей при переводе информации с одного языка на другой.

Разумеется, данные направления выделяются нами условно, так как они тесно взаимосвязаны. Однако чтобы убедиться в их значимости для процесса межкультурной коммуникации, необходимо попытаться понять сущность каждого из них.

Фундаментальные основы изучения вопроса о характере взаимодействия языка и культуры были заложены научными трудами В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и других известных ученых. К примеру, немецкий философ и филолог В. фон Гумбольдт видел в языке сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации. С одной стороны, язык и культура для В. фон Гумбольдта - это равноправные, взаимозависимые явления. По его утверждению, культура «приносит извне или развёртывает из глубин народной жизни прежде неизвестные понятия», поэтому в определённой степени мнение о зависимости языка от культуры верно [3, с. 57-58]. Язык может реагировать на воздействие культуры, а обратное воздействие языка осуществляется через все созданное народом в прошлом. В конечном итоге, достижения куль-

туры не проходят для языка бесследно, помогая ему подняться на более высокую ступень развития.

С другой стороны, в его работах язык отождествляется с «духом» народа, служит формой его выражения и, следовательно, доминирует над культурой [11, S. 182]. Язык обладает энергией и самостоятельным характером и оказывает влияние не только на культуру, но и на мышление народа. Его деятельность приводит к формированию «своеобразного мировидения» нации, так как он «допускает свободное использование только в рамках своего характера» и «модифицирует все изменения по собственным законам» [3, с. 58]. В этом проявляется противоречивость данной концепции, которая, тем не менее, сыграла важную роль в понимании сути проблемы «язык - культура» и одновременно обратила внимание других учёных на участие мышления в процессе познания действительности и становления национального менталитета.

Учение В. фон Гумбольдта получило дальнейшее развитие в работах экзистенциалистов и неогумбольдтианцев, которые придерживались мнения, что язык управляет культурой. Например, М. Хайдеггер называл язык «домом духа», формой выражения и существования национальной культуры, так как он фиксирует, вбирает в себя всю культуру предшествующих поколений, детерминируя поведение людей и предопределяя их будущее [9, с. 192]. Поэтому для понимания иностранного языка необходимо сначала вжиться в свойственный языку контекст, то есть в другую культуру.

По словам Л. Вайсгербера, «умственная деятельность человека в большей степени определяется картиной мира родного языка (Weltbild der Muttersprache), чем его собственной личностью» [11, S. 183]. Таким образом, язык - это своего рода промежуточный мир, который находится между реальным миром и сознанием человека, и «дух» настолько ярко проявляется в языке, что язык в полной мере определяет духовное формирование, культурное творчество и историю своего народа.

Психологическая концепция А. А. Потебни о мысли, языке и «духе» народа в научных кругах справедливо считается еще и культурно-исторической. В соответствии с ней, с помощью национального языка человек наследует накопленный до него опыт той этнокультурной общности, к которой принадлежит, следовательно, «язык, как и дух, есть проявление индивидуальности народа» [6, с. 43]. «Дух» народа, представляющий собой сознательную умственную деятельность, воплощается не только в языке, но и в нравах, обычаях, поступках и традициях, являющихся составной частью культуры, поэтому он управляет языком и культурой.

Впоследствии идея о доминирующей роли языка в жизни человека и, соответственно, о неразрывной связи языка и культуры получила отражение в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Основная мысль данной концепции заключается в том, что возникновение языка предшествовало развитию материальной культуры и что «развитие культуры не могло ... иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения» [7, с. 42]. Представители той или иной нации в значительной мере находятся под влиянием их языка, а их реальный мир в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм, поэтому язык определяет способ познания человеком реального мира, влияет на его поведение и формирует его мысли. Это означает, что система языка через сознание человека организует и гармонизирует поток впечатлений, предметов и явлений, в которых ему предстает окружающий мир. Предметы и явления становятся актуальными для человека только тогда, когда получают номинацию, а реальность создается благодаря языковым особенностям той или иной культуры. Такое влияние языка обеспечивают культурно обусловленные символы, с помощью которых человек, как языковая личность, обозначает, анализирует и воспринимает действительность.

Концепция Сепира-Уорфа получила широкую известность, и у неё появились как сторонники, так и противники. Как неоднократно отмечается в научной литературе, её несостоятельность состоит в переоценке роли языка, так как «речевая деятельность не детерминирует актуальную познавательную (мыслительную) деятельность человека, а является лишь средством такой детерминации». Становление личности и её мышления является своеобразным результатом процесса «присвоения культуры общества», при котором усвоение культурных знаний личностью проходит поэтапно, в процессе осуществления определённых «ролевых деятельностей». Очевидно, что культурные знания, усвоенные в рамках каждой из ролей, служат ядром национальной специфики мышления, однако это не означает, что национальные особенности мышления и сознания зависят от специфики конкретного языка [8, с. 5-7].

Более правильным будет утверждение, что культурные знания могут быть в значительной степени обусловлены различным уровнем общественной практики, то есть характерными для той или иной культуры видами деятельности и социокультурными условиями. Данная закономерность свидетельствует не о лингвистической, а о «деятельностной» относительности [2, с. 32-34], так как лингвистическая относительность ограничивала бы коммуникативные возможности языка пределами только одной культуры. Это означало бы, что язык не способен обеспечивать коммуникацию в многочисленных ситуациях межкультурного общения.

К аналогичным выводам приходят и зарубежные германисты, например: «Язык влияет на память, восприятие и мышление, но спорно то, что он способен определять мыслительные категории (Denkkategorien) и мыслительные образцы (Denkmuster)» [12, S. 273], «В настоящее время не существует однозначного решения вопроса о влиянии языка на мировоззрение (Weltanschauung) людей» [11, S. 184]. Анализ процессов языковой интеграции российских немцев после их возвращения на историческую родину также ставит под сомнение доминирующую роль языка над сознанием (культурой). Например, у детей российских немцев, родившихся в Германии и свободно говорящих по-немецки, в тех семьях, где поддерживается прежний, «русский», образ жизни (культура, нормы, традиции), наблюдаются определённые отличия в характеристике явлений действительности, которые влияют на использование языковых единиц [5, с. 35-36]. Многочисленные подобные наблюдения и эксперименты по выявлению специфических этнических особенностей сознания также доказывают то, что они не столько детерминированы языком, сколько отражаются в языке.

Несомненной заслугой гипотезы Сепира-Уорфа является то, что она дала импульс многим исследованиям в области взаимосвязи языка, мышления и культуры и способствовала становлению новых научных направлений, в частно-

сти, этнографической семантики. Например, как следствие тезиса Б. Уорфа о том, что между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, которые можно обнаружить при их сопоставлении, в середине XX века в зарубежной лингвистике, социолингвистике и этнолингвистике (в том числе, в трудах К. Леви-Строса, Дж. Уильямса, Д. Хаймса, Ф. Бока и др.) получила широкое распространение теория изоморфизма языка и культуры.

В рамках данной теории предпринимались попытки разработать единый метаязык для описания языковых и социокультурных систем. По одной из версий, цель исследований заключалась в выявлении аналогии между структурой общества и структурой языка. Используя понятийный аппарат структурной лингвистики, языковую и, следовательно, культурную действительность предполагалось моделировать в виде «сетки отношений» путём построения концептуальных моделей [1, с. 115-117].

Развитие теории продолжилось в русле этносемантики, с применением лингвистических принципов «структурного контраста» и «генеративных отношений». В процессе изучения «статистических рядов», которыми обладает язык, некоторые исследователи пришли к выводу, что существует формальное соответствие между языковой структурой и структурой системы родства [4, с. 55-60]. Общим для всех исследований являлось то, что основное внимание уделялось когнитивной стороне культуры, то есть выявлению и интерпретации тех знаний, которыми обладают представители каждой изучаемой культуры.

Впоследствии работы, посвящённые проблеме изоморфизма языка и культуры, были подвергнуты критике за их односторонний и противоречивый характер [10, с. 156-159], ведь все усилия исследователей сводились к попыткам трактовать культуру только как абстрактное явление, имеющее знаковую основу, и представить её в виде определённой суммы знаний. Кроме того, терминологическая система языка не может быть одновременно частью культуры, а отражение явлений культуры в языке носит опосредованный характер.

Важнейшие положения вышеперечисленных теорий послужили стимулом для развития этнопсихолингвистики, центральными проблемами которой считаются влияние различных языков на познавательную деятельность и на поведение их носителей и различия в категоризации действительности. Этнопсихолингвистика ориентируется на понимание духовной культуры и народного менталитета, которые являются причиной сложностей, возникающих между участниками коммуникации в процессе межкультурного общения [8, с. 5]. Исследования в этой области представляют собой:

- составление этнических и институциональных портретов и автопортретов;
- изучение национального менталитета с помощью лингвопрагматических факторов и концептуального моделирования;
- изучение этнических особенностей выражения эмоций и отношений;
- изучение восприятия времени и пространства.

В последнее десятилетие особую актуальность приобрело исследование национальной специфики юмора, а также проблем гендера и культурно-когнитивной идентичности.

Несомненный научный интерес вызывает проведение разного рода экспериментов на базе двух и более языков:

- сопоставительного анализа форм обращения;
- сопоставительного анализа лексических средств, обозначающих участки цветового континуума;
- анализа принципов лексической номинации;
- свободного ассоциативного эксперимента по выявлению лингвокультурных стереотипов и т.п.

Результаты проведенных исследований доказывают, что неодинаковый объём языковых категорий в разных языках определённым образом сказывается на осознании человеком времени и пространства, восприятии им себя и других людей, формировании у него национально обусловленного чувства юмора, на различных проявлениях его внутреннего мира, отражая специфику этнического характера, особенности социального и гендерного поведения и способствуя самоидентификации личности.

Список литературы

1. Бок Ф. Структура общества и структура языка // Зарубежная лингвистика I. Новое в лингвистике: избранное. М.: Прогресс, 1999.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
5. Менг К., Протасова Е. Ю. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4.
6. Потебня А. А. Собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 268 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. 656 с.
8. Сорокин Ю. А. «Культурный знак» Л. С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 417 с.
10. Швейцер А. Д. Некоторые аспекты проблемы «Язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. М.: Наука, 1978.
11. Hörmann H. Psychologie der Sprache. Berlin; Heidelberg, New York: Beck Verlag, 1990. 320 S.
12. Lyons J. Die Sprache. München: Beck Verlag, 1990. 320 S.